

УДК 130.2.

Байрачная Л. К.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА

Статья посвящена осмыслению эволюции понятия «суверенитет» и обозначения основных аспектов и проблем внешней стороны легитимности, соотношению этих понятий. Предпринята попытка доказать, что внутренняя легитимация — это фактор, определяющий внешнюю легитимацию.

Ключевые слова: суверенитет, легитимность, внешняя и внутренняя легитимация.

Стаття присвячена осмисленню еволюції поняття «суверенітет» і позначення основних аспектів і проблем зовнішнього боку легітимності, співвідношенню цих понять. Зроблено спробу довести, що внутрішня легітимация – це факт, який визначає зовнішню легітимацию.

Ключові слова: суверенітет, легітимність, зовнішня і внутрішня легітимация.

The paper considers the evolution of the idea of sovereignty and the designation of major issues and problems outside of legitimacy, the relation of these concepts. Attempt was made to prove that the internal legitimation – a fact determined by the external legitimacy.

The keywords: sovereignty, legitimacy, external and internal legitimation.

Народ как государство есть дух в своей субстанциональной разумности и непосредственной действительности, поэтому он есть абсолютная власть на земле, следовательно, каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому. Быть таковым для другого, то есть быть признанным им, есть его первое абсолютное право.
Г. Гегель

История развития человеческого общества — это многообразие эпох, обществ, культур, которое на первый взгляд предстает неким хаотическим и пестрым разноцветьем индивидуальностей. Но при внимательном рассмотрении мы обнаруживаем здесь не случайные, а определенные повторяющиеся черты, связи, структуры, обнаруживаем целесообразность в этом калейдоскопе событий и фактов, определенную закономерность, если говорить точнее. Это не стихийный процесс — он подчинен определенным законам, определенным образом организован и управляем.

Что же придает различным человеческим общностям в разных регионах, в разных географических условиях организованность и управляемость, что регулирует их деятельность? Такого рода вопросы можно задавать бесконечно и бесконечное число раз получать один и тот же ответ: эта сила — власть. Власть вождей и пророков, царей и

фараонов, президентов и премьер-министров, диктаторов и тиранов, власть выборная и наследуемая, легально полученная или узурпированная. Власть всегда выступала и как самое большое благо в обществе, и как самое большое зло, и как самая большая загадка. На ее завоевание, на ее захват, на ее удержание, на ее оправдание всегда были нацелены самые энергичные слои любого общества.

В политико-правовой литературе достаточно глубоко исследована проблема власти, ее виды, формы, этапы эволюции, законы развития и функционирования [2].

Наше исследование посвящено не феномену власти как таковому и не субъекту власти как носителю волевого начала. Предметом нашего анализа является отношение *легитимности* и, следовательно, прежде всего *объект* власти – люди, обладающие определенным сознанием и волей, выступающие как индивидуально, так и объединенные в определенные общности. Поэтому их деятельность, их сознание обладают определенной самостоятельностью и способны оказывать обратное влияние на субъект власти.

Почему Моисею удалось вывести иудеев из египетского плена на поиски «земли обетованной» и утвердить на сотни лет их господство на Ханаанской земле? Почему дикие арабские племена, объединенные под зеленое знамя ислама, уверовавшие в Аллаха и пророческий дар Мухаммеда, действительно чудесным образом утвердили новую цивилизацию на огромных просторах Азии и Северной Африки? Почему в течение веков покоренные народы принимали господство Рима и смотрели на него как на центр мира? Почему держатся тираны и почему их свергают? Почему происходят революции и восстания, войны и перемирия? Почему были возможны Калигула и Нерон, Гитлер и Сталин? Ответы на все эти вопросы вытекают из характеристики не столько субъекта, сколько *объекта* власти, его обратного отношения к субъекту. Отношения субъекта и объекта власти — это отношения формы и содержания. Содержание находится либо в единстве и согласии с формой, либо в состоянии конфликта. Так и в отношениях власти: объект власти находится в состоянии единства и согласия с субъектом, или в состоянии конфликта. Очень образно эти отношения выразил древнекитайский мудрец Сюнь-цзы: «Правителя можно сравнить с лодкой, а народ — с водой: вода может нести лодку, а может ее и опрокинуть» [15, с. 143].

В научной литературе отношение содержания к форме, объекта к субъекту власти определяется в категориях согласия или отрицания, *легитимности* или *нелегитимности*. Этимологически слово «легитимность» означает *законность*. Однако ее следует отличать от легальности, означающей *формальную*, юридическую законность. Власть, ее постановления, распоряжения и т. д. могут быть легальными, то есть формально соответствующими установленным законам, и вместе с тем — нелегитимными. Так происходит, например, в тех случаях, когда в результате мятежа или переворота отменяются прежние законы и вместо них провозглашаются новые и в дальнейшем силы, захватившие власть, действуют уже на основании этой новой, установленной ими самими законности. Формально их действия приобретают тем самым *легальность*, но сама эта легальность, как и ее источник, могут быть *нелегитимными*, то есть незаконными в некотором более глубоком и неформальном смысле.

Именно такого рода коллизии впервые (в наиболее радикальной форме) возникли в результате Французской революции конца XVIII века, последующего «воцарения» Наполеона, его фактического признания старейшими монархиями Европы (Россия,

Австрия) и т. д. Столкновение различного рода легитимностей в тогдашнем обществе вызвало к жизни многочисленные дискуссии, положившие начало и теоретическому анализу самого понятия легитимной власти.

Выдающийся французский историк и политический деятель того времени Ф. Гизо (приверженец конституционной монархии) писал по этому поводу: «Политическая легитимность есть очевидным образом право, основанное на древности, на длительности; на первенстве во времени, на которое ссылаются как на источник права, доказательство легитимности власти». Впоследствии М. Вебер определил такой тип легитимности как «традиционный». Но далее у Ф. Гизо мы читаем: «Для политической легитимности прежде всего характерно отрицание силы как источника власти, воссоединение с моральной силой, идеей права, справедливости, разума» [5, с. 236]. Здесь уже слышатся зачатки современного понимания легитимности. Таким образом, легитимность представляет собой некоторый более глубокий и неформальный вид законности, нежели простая легальность.

Легитимность — одно из базисных понятий политико-правовой науки. Хотя сам термин возник в начале XIX века во Франции как обозначение политического движения, ставившего целью восстановление власти короля, свергнутого революцией 1879 года, но содержательная сторона этого понятия не являлась чем-то новым для исследователей.

Понимание легитимности прослеживается в учениях о власти и государстве с древнейших времен. Так, Конфуций учил, что управлять государством легко, «если в государстве много еды, много оружия и есть доверие народа к правителю». Далее он подчеркивает, что из перечисленного можно исключить оружие, можно исключить еду, но нельзя исключать доверие: «...без доверия народа правитель не устоит» [11, с. 89]. Аристотель подчеркивал, что в наилучшем государственном устройстве — «политии» — народная масса должна быть в состоянии и подчиняться, и властвовать [3, с. 128]. «Государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа», — указывал Н. Макиавелли [13, с. 100]. «То, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц», — писал Дж. Локк [12, с. 361]. Один из отцов-основателей США Б. Франклин подчеркивал, «что сила правительства во многом зависит от мнения народа» [16, с. 384]. «Государственная власть и верховенство могли быть установлены лишь путем согласия», — считал Д. Юм [17, с. 312]. «Права государя — это права, которые пожелала доверить ему нация», — утверждал П. А. Гольбах [8, с. 475]. «Только согласованная и объединенная воля всех ... может быть законодательствующей», — подчеркивал И. Кант [10, с. 479]. «Каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит», — писал Г. Гегель [5, с. 365]. Как мы видим, принятие и одобрение власти является необходимым условием ее стабильного существования, признания ее легитимности.

Легитимность политико-правового господства на современном этапе имеет как *внутреннюю*, так и *внешнюю* стороны. Данное исследование не может претендовать ни на что другое, кроме самого предварительного обозначения основных аспектов и проблем внешней стороны легитимности, этой сравнительно новой для политико-правовой науки сферы научного интереса.

Исторически *внешняя легитимация* была связана с признанием суверенитета того или иного государства, то есть факта верховенства власти данного государства на определенной территории в отношении определенной совокупности граждан.

Понятие суверенитет было введено французским юристом XVI века Жаном Бодэном и первоначально сохраняло связь с феодальным правом, обозначая, прежде всего, власть верховного сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. Однако Вестфальский мир 1648 года признал суверенные права за всеми европейскими государствами (включая вассалов Священной Римской Империи), таким образом положив начало современной системе, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства. В последнее время, однако, все громче говорится о «размывании» понятия национального суверенитета, связанном с процессом глобализации и усиления взаимных связей и взаимозависимости между государствами, что ведёт, с одной стороны, к усилению роли наднациональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (пример — ЕС), с другой — к признанию ряда проблем (например, права человека), выходящим за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежащим международному регулированию (нарушение прав человека больше не являются внутренним делом того или иного государства).

Характер внешнеполитического признания существенно отличается от внутренней легитимации. Взгляды на проблему понимания ряда особенностей легитимация на международной арене представлены работой Дибирова Абдул-Насир Зираровича [9, с. 192].

Первая особенность связана с тем, что легитимируется, кто является субъектом и объектом легитимации. Ответ на этот вопрос, на первый взгляд, кажется достаточно ясным. Легитимируется суверенитет. Но само понятие суверенитета в истории политики претерпело существенные изменения, оно и сегодня является предметом наиболее жарких дискуссий как в среде теоретиков, так и в практических сферах политики [1]. Суверенитет исторически связан с понятием государства. Сначала это был суверенитет правителя, государства-правительства, затем, начиная с Нового времени, это был суверенитет государства-нации. Для внешнеполитической легитимации было достаточно, чтобы государство обладало реальной властью над определенной территорией и определенным народом, чтобы эта власть была стабильной и прочной. Вопрос о том, каким образом обеспечивается эта власть, для внешнего признания не имел особого значения. Внешняя легитимация не зависела от внутренней.

XX век внес в понимание государственного суверенитета кардинальные изменения. Безусловно, государства и сейчас остаются основными субъектами международных отношений. Но, вместе с тем, субъектами международных отношений стали и множество негосударственных организаций. В устоявшуюся систему международных отношений на современном этапе активно проникает и *индивид* как источник и носитель суверенитета в его первоначальном виде. На наших глазах формируется своего рода мировое гражданское общество, независимое и от государств, и от межгосударственных структур. Элементами такого общества являются независимые движения и организации, такие, например, как молодежное, женское движения, движение «Врачи за мир», Пагоушское движение, международные объединения политических партий и организаций — Социнтерн, Всемирная федерация профсоюзов и т. д.

Начало процесса формирования мирового гражданского общества можно датировать, на наш взгляд, 1864 годом, когда появилась первая независимая международная организация — Международное товарищество рабочих

(I Интернационал). Важнейшим элементом мирового гражданского общества стали средства массовой информации, общественное мнение народов различных стран. Формирование такого гражданского общества — это проявление глобальной тенденции в международных отношениях, где господствовавший веками этатизм сменяется приватизмом. Приватизм становится глобальной тенденцией как внутреннего развития стран, так и сферы международных отношений. Проявляется он не только в том, что проблемы личности, индивида, условий его жизнедеятельности приобретают глобальный характер. Прежде всего, эта тенденция проявляется сегодня в усилении на международной арене значения единичного, особенного. Цивилизационные, этнические, религиозные особенности воздействуют таким образом, что господствовавшая в последние 150–200 лет западная система ценностей в международных отношениях сменяется новой идеологией, основанной на принципиально иных ценностях.

Признание государства, отмечал Гегель, зависит «от воззрения и воли другого государства». Без этого его суверенитет является абстрактным и формальным [4, с. 315]. Формирование мирового гражданского общества существенно меняет современные представления о суверенитете. Индивид, его права и свободы, центральные в теории гражданского общества, выдвигаются в практическую плоскость и на международной арене. Поэтому проблема внешней легитимации — это не просто вопрос признания факта существования того или иного государства, страны, нации. Важное значение для признания приобретает вопрос о том, как обеспечивается целостность нации, государства, страны, как обеспечивается внутренняя легитимация суверенитета.

Основной же формой внутренней легитимации является *политический режим*. Именно в политическом режиме и через него нация приобретает в современном мире целостность и самоидентификацию. Основные проблемы, связанные с внешним признанием, сегодня проистекают из характера того режима, который установился в стране. Расизм в ЮАР стал причиной ее изоляции на международной арене. Диктатура Пиночета привела к разрыву дипломатических отношений с этой страной многими государствами. Авторитарный режим С. Милошевича послужил причиной агрессии НАТО, получившей одобрение большинства мирового сообщества. Китай испытывает постоянное давление мирового сообщества в связи с проблемой Тибета. Война в Чечне стала причиной резкого охлаждения мирового общественного мнения в отношении России. Украина переживает давление со стороны США и ЕС, обусловленное событиями на улице Грушевского в Киеве. Бурю возмущения вызвали события, связанные с Крымским полуостровом.

Потеря легитимности неизбежно приводит к отказу в суверенитете власти над данной территорией. Падению режима предшествует потеря согласия граждан подчиняться существующей власти. Система рушится под ударами восстаний и массовых протестов, хотя к моменту гибели в ее распоряжении еще есть вполне эффективные средства подавления и идеологического воздействия.

Характерно, что сначала легитимность теряется для управляемых, они перестают признавать право носителей власти на управление. Сами же властные фигуры еще не осознают того, что ситуация изменилась, продолжают ожидать подчинения и готовности к подчинению. При этом они опираются на традиции собственной легитимности, подкрепленной соответствующими институтами (например, выборами). Осознание потери легитимности болезненно для носителей власти, и они стараются

интерпретировать неизбежно амбивалентные результаты анализа положения дел в стране в более благоприятном для себя ключе, теряя последнюю возможность воздействовать на ситуацию.

Таким образом, *первый* вывод в отношении внешней легитимации заключается в том, что легитимируется сегодня не государство-правительство, не нация-государство самим фактом своего существования, а *политический режим*. Внутренняя легитимация — это факт, определяющий внешнюю легитимацию.

Вторая особенность внешней легитимации заключается в том, что признание означает закрепление за тем или иным политическим режимом определенной ниши в международном сообществе и в системе международных отношений. Во-первых, это утвердившаяся еще с Венского конгресса 1815 года традиция признания ряда государств в качестве великих держав. Сегодня признанными великими державами являются Россия, США, Китай, Франция, Великобритания. Кроме того, фактически уже в клуб великих держав вошли такие страны, как Япония, Германия, Индия. Во-вторых, это признание отнесенности той или иной страны к определенной цивилизации — христианской, исламской, конфуцианской; Запад, Восток, Север, Юг; первый, второй, третий мир; континентальная цивилизация, морская цивилизация и т. д. В-третьих, это признание на основе принципа «доминирование — подчинение». Это означает, с одной стороны, признание доминирующей роли державы в мире или регионе, а с другой — признание подчиненной, зависимой роли страны от доминирующего центра. Например, доминирование США в западном мире, доминирование России на постсоветском пространстве, доминирование Великобритании, Франции, Испании в своих бывших колониях. В-четвертых, это признание отнесенности страны к системе тех или иных союзов, экономических или политических. Эту особенность внешней легитимации сегодня можно наблюдать на примере стран бывшего советского блока, устремившихся в новые союзы (Объединенная Европа, НАТО, формирующийся Евразийский союз и т. д.). Закрепление за нацией определенной ниши в международных отношениях позволяет прогнозировать ее поведение в той или иной ситуации. Безусловно, та или иная ниша не является раз и навсегда закрепленной за той или иной нацией. В современном динамическом мире это лишь констатация существующего в данный момент положения.

Третья особенность внешней легитимации связана с признанием силы или слабости нации. Когда говорят о суверенитете, то подразумевается, что остальные занимают по отношению к суверену подчиненное положение, все остальные власти зависимы от суверена, берут свою легитимность от него. Суть внутренней легитимации состоит в признании большинством нации за политической властью ее права командовать. Во внешней легитимации, где все страны выступают как независимые, нет отношений командования и подчинения в том виде, в котором мы наблюдаем это внутри страны. Внешняя легитимация не есть признание права того или иного государства на командование. Если бы это было так, то нельзя было бы говорить о суверенитете наций. Но вместе с тем, как отмечает Г. Моргентхау, политический режим в мировой политике — «это концепция интереса, определяемого в терминах силы (влияния)» [14].

Власть как синоним силы, как право, легитимированное силой, присутствует и в международных отношениях. Главное основание внешней политики — это стремление влиять, то есть демонстрировать силу, мощь. Какими бы ни были конечные цели внешней политики, влияние — непосредственная цель. В основе такого направления

внешней политики лежит, с одной стороны, стремление получить выгоду, а с другой — боязнь проигрыша. Влияние и суверенитет наибольшие у того, у кого наибольшая мощь. Чтобы эта ситуация изменилась, необходимо создание международных вооруженных сил, превосходящих по мощи национальные. Государственная мощь, направленная вовне, носит характер экспансии, она нацелена на расширение зон влияния, расширение поля собственной легитимации и сужение поля легитимации других государств. В определенном смысле к международным отношениям все еще применимо гоббсовское определение «войны всех против всех». В современном мире экспансионизм государства вовне ограничен общими правилами, нормами, международными институтами. Наличие международных норм и институтов, формирование мирового гражданского общества существенно ограничивают суверенитет государств в части их своеволия, агрессивной экспансии. Во второй половине XX века, особенно в период разрядки международной напряженности, казалось, что сила как направленная вовне мощь государства в качестве основания легитимации роли того или иного государства ушла в прошлое. Но конец XX века опроверг эти иллюзии. Наиболее развитые страны в лице НАТО претендуют сегодня на роль международной вооруженной силы, утверждающей западные ценности по всему миру. «Одним из самых трагичных и опасных итогов Косово стала, видимо, легитимация военной силы как „нормального” способа конфликтного противоборства. Не только политики, но и интеллектуалы Запада настаивают на необходимости признать неизбежность войны, даже если имеются альтернативные ей решения» [6]. Таким образом, сила как это было всегда, и сегодня остается главным аргументом в международной легитимации.

Четвертая особенность внешней легитимации заключается в том, что наряду с силой важным средством внешнеполитической легитимации политического режима выступает и дипломатия. Чем сильнее государство, тем меньше требований к искусству дипломатии, чем слабее государство, тем больше роль и значение дипломатии для легитимации такого слабого государства. Дипломатия – это искусство компромисса. Сила бескомпромиссна. Дипломатия нацелена на защиту национальных интересов мирными средствами, путем компромиссов. Это готовность к компромиссам по всем тем вопросам, которые не являются для страны жизненно важными. Но дипломатия, не подкрепленная силой, готовой защитить жизненно важные интересы нации, обречена на бесконечные компромиссы, которые в конечном итоге сведут на нет суверенитет нации.

Таким образом, в поле современных международных отношений можно констатировать противоборство двух противоположных тенденций. С одной стороны, постепенно набирает силу идеология политического идеализма, утверждающая недопущение силы как легитимного средства достижения внешнеполитических целей, а, с другой – все еще имеет влияние традиция политического реализма, рассматривающая международную арену как сферу борьбы наций за власть и влияние, борьбы, допускающей силу как законное средство отстаивания национальных интересов. Соответственно, и внешняя легитимация государственной власти имеет в настоящий момент эту двойственную, противоречивую сущность.

Активная и целенаправленная защита национальных меньшинств, осуществляемая странами Североатлантического альянса во главе с США, оказывается очень избирательной и зачастую прикрывает стремление главной сверхдержавы современного мира к безусловной гегемонии во всех регионах планеты. При этом остается

непроясненным ни теоретически, ни тем более практически вопрос о том, как будет существовать и управляться мир, в котором вместо нынешних двухсот появится 1000 государств, возникших вследствие обретения независимости и создания национальной государственности ныне борющимися национальными меньшинствами? Насколько оправданным представляется сегодня сохранение в международно-правовых документах положения о праве борющихся наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания независимых государств – праве, возникшем в другую эпоху и соответствовавшим совершенно иным обстоятельствам?

События в Югославии в конце XX века обнаружили давно не наблюдавшееся в европейских странах единодушие в оценках происходящего как политиками, так и общественностью Запада. Впервые после Второй мировой войны ясные и не допускающие двусмысленной трактовки понятия «зверство» и «гуманность» получили абсолютно различную интерпретацию на Западе и на Востоке. Если Запад увидел проявления зверства в отношении сербского руководства к албанскому этническому меньшинству и счел необходимым проявить гуманность, преследуя и поражая его гонителей, то на Востоке происходившие события получили прямо противоположные оценки. Зверство увидели в натовских бомбардировках территории суверенного государства, а гуманность – в солидарности со страдающим народом Югославии. Это и дало основание некоторым западным интеллектуалам – лауреату Нобелевской премии в области литературы Г. Грассу, известному социальному философу Ю. Хабермасу и другим – говорить о *ментальной границе*, существующей между западной цивилизацией и незападным (включая славянский) миром. По словам французского интеллектуала А. Глюксмана, «по разные стороны границ бывшего Советского Союза мы еще придерживаемся разных концепций дозволенного и запрещенного, гуманного и бесчеловечного» [7]. Независимо от того, насколько это утверждение соответствует действительности, необходимо считаться с таким обортоном нынешней дискуссии в западном интеллектуальном сообществе об уроках и последствиях локальной войны в Югославии. Это означает, что померкли надежды, возникшие после известных «бархатных революций» конца 80-х годов, связанные с возможностью для интеллектуалов Европы и мира говорить и общаться на одном языке, исповедовать общие ценности. Следовательно, на смену «железному занавесу», разрушавшемуся с таким энтузиазмом, может прийти «бархатный занавес» культуры, не менее герметичный и конфликтогенный, чем прежний. Так или иначе, но надежды на создание в ближайшем будущем «общеевропейского дома» или «единой общечеловеческой цивилизации», судя по всему, оказались тщетными.

Данная работа в самых общих чертах приблизилась к постановке целого ряда вопросов, касающихся понятий «легитимность» и «суверенитет». Что такое государственный суверенитет в современных условиях? Остается ли он инструментом – пусть и несовершенным – сосуществования государств и регулирования международных отношений или превращается в анахронизм, подлежащий немедленному и насильственному упразднению? В течение последних трех с половиной столетий международная система держалась на суверенности отдельных государств, и пока нет ясного ответа на вопрос, почему государство должно от этого принципа отказаться. Если же суверенитет все-таки остается инструментом стабильности, то как защитить его от натиска глобализации? Какие силы возьмут на себя роль защитников государственного

суверенитета, каковы их возможности и ресурсы? В зависимости от ответов на эти вопросы будет зависеть, каким окажется мир XXI века.

Литература:

1. *Авакьян С. А.* Размышления конституционалиста: Избранные статьи / С. А. Авакьян. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 560 с.; Барабаш Ю. Г. Конституційно-правові механізми захисту державного суверенітету. Конституційно-правові засади державного суверенітету України. До 20-ї річниці проголошення незалежності України / Ю. Г. Барабаш // Вісник Національної академії наук. – 2011. – № 63. – С. 3–16; Гапотій В. Д. Теоретичні та практичні аспекти суверенітету народу, нації та держави : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових вчень / В. Д. Гапотій. – Харків, 2005. – 18 с.; Щербанюк О. В. Народний суверенітет і реалізація владо спроможності демократичної держави / О. В. Щербанюк. – К. : Логос, 2013. – 304 с. и др.
2. *Власть: очерки современной политической философии Запада* / Алюшин А. Л., Батурич Ю. М., Мшвениерадзе В. В. и др. – М. : Наука, 1989; Банашак Н. Человек и власть / Н. Банашак, Й. Форхольцер. – М. : Прогресс, 1973; *Власть: философско-политологические аспекты.* – М. : ИФАН, 1989; *Интеллигенция и власть.* – М. : РАУ, 1992; Ли В. Ф. Социальная революция и власть в странах Востока / В. Ф. Ли. – М. : Наука, 1984; Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М. Вебера / В. П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, 1988; Ледяев В. Г. *Власть: концептуальный анализ* / В. Г. Ледяев. – М., 2001; Сапронов П. А. *Власть как метафизическая и историческая реальность* / П. А. Сапронов. – СПб., 2001.
3. *Аристотель.* Политика. Афинская полиция / Аристотель. – М. : Мысль, 1997. – С. 128.
4. *Гегель Г.* Философия права / Г. Гегель. – М., 1990.
5. *Гизо Франсуа.* История цивилизации в Европе / Франсуа Гизо ; пер. с франц. — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
6. *Глухова А. В.* Год после Косово — взгляд из России [Электронный ресурс] / А. В. Глухова. – Режим доступа: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/glukhova1.htm>. – Загл. с экрана.
7. *Глюксман А.* Единая Европа родится в Приштине / А. Глюксман // Независимая газета. – 06.10.99.
8. *Гольбах П. А.* Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления / П. А. Гольбах // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1.
9. *Дибиров Абдул-Насир Зирарович.* Легитимность власти и политический режим: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01/ Абдул-Насир Зирарович Дибиров. – М. : РГБ, 2005.
10. *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях. Учения о праве / И. Кант // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1.
11. *Конфуций.* – Минск, 1998.
12. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / Дж. Локк // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1.
13. *Макиавелли Н.* Государь / Н. Макиавелли. – М., 1998.
14. *Моргентау Г.* Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2.
15. *Сюнь-цзы* // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1.
16. *Франклин Б.* Как из великой империи сделать маленькое государство. Правила, преподанные министру при вступлении его в должность / Б. Франклин // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1.
17. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / Д. Юм. – М., 1995. – Т. 2.